

Елена Юрьевна Борисёнок

доктор исторических наук
заведующая Отделом восточного славянства
Институт славяноведения РАН
Россия, 119334, Москва, Ленинский пр-т, д. 32-А
E-mail: vostslav@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8642-0185

«Посещение курсов обязательно для всех...»: опыт аппаратной украинизации 1920-х годов

DOI: 10.31168/2782-473X.2023.2.08

Аннотация: В данной статье рассматриваются особенности функционирования курсов по изучению украинского языка в Украинской ССР в период украинизации 1920-х гг. Несмотря на большой список работ по истории советской национальной политики на Украине, повседневная практика украинизации изучена недостаточно. Цель статьи — проанализировать особенности политики украинизации в отношении русскоязычных сотрудников государственных учреждений и предприятий республики, выявить организационные формы и методы обучения их украинскому языку, определить формат предлагаемых на курсах знаний в области украиноведения. Основное внимание в статье уделяется характеристике принятых постановлений, инструкций и методических указаний, регламентирующих форму и деятельность курсов по изучению украинского языка и украиноведению, методику преподавания, порядок проведения экзаменов. Исследование показало, что курсы должны были обеспечить знание украинского языка сотрудниками различных организаций, что было необходимо для перевода делопроизводства на украинский язык, который был выбран руководством республики «для официальных сношений» как язык подавляющего числа населения УССР. Одновременно курсы давали слушателям представление об «украинском вопросе», украинской литературе и истории. Республиканские власти за достаточно короткий срок рассчитывали заставить чиновников перейти на язык титульной нации, прибегая к жесткому административному нажиму. В постановлениях и распоряжениях харьковского руководства постоянно фигурировал пункт об увольнении тех, кто не желал украинизироваться.

Ключевые слова: украинизация, курсы по изучению украинского языка, проверка знаний украинского языка, УССР

История советской коренизации является одной из самых популярных тем в современной украинистике. Однако, несмотря на большой список работ, написанных на эту тему с начала 1990-х гг.,

до сих пор не только ощущается недостаток обобщающих монографических исследований, но и существуют некоторые лакуны в исследовании проблемы. Одна из них связана с изучением повседневной практики украинизации. В настоящей статье предлагается обратить внимание на такую актуальную ее сферу, как функционирование курсов по изучению украинского языка в УССР.

В апреле 1923 г. на XII съезде РКП(б) большевистское руководство обратило внимание на необходимость укоренения советской власти в союзных республиках. Как подчеркнул И.В. Сталин, следовало «принять все меры к тому, чтобы Советская власть в республиках стала понятной и родной», для чего было необходимо, чтобы «все учреждения, все органы, как партийные, так и советские, шаг за шагом национализировались, чтобы они действовали на языке, понятном для масс»¹. Развернувшаяся после съезда политика украинизации (так именовался региональный вариант коренизации) предусматривала протекционистские меры в отношении языка титульной нации: украинский определялся как язык подавляющего числа населения и избирался «в качестве преимущественного для официальных сношений»².

Действительно, несмотря на преобладание украинцев среди населения бывшей юго-западной части Российской империи, украинский язык пока еще занимал доминирующее положение преимущественно в сфере повседневного общения сельского населения. Города, особенно крупные, были центрами распространения русского языка и культуры. В 1926 г. среди населения УССР русские составляли 9,2 %, а украинцы — 80 %, однако последние оказались наименее урбанизированной национальной группой: в городах проживало только 11 % их общей численности, тогда как русских — 50 %, а евреев — 77 %³. Хотя двое из трех грамотных украинцев умели читать на родном языке, в городских районах этот показатель

¹ Сталин И.В. Заключительное слово по докладу о национальных моментах в партийном и государственном строительстве на XII съезде РКП(б) 25 апреля 1923 г. // Сталин И.В. Сочинения: в 13 т. М., 1947–1951. Т. 5. М., 1947. С. 257.

² Про заходи забезпечення рівноправ'я мов і про допомогу розвитку української мови // Збірник узаконень та розпоряджень робітничо-селянського уряду України за 1923 рік. Харків, 1923. Від. 1. № 29. Арт. 435.

³ Кравченко Б. Соціальні зміни і національна свідомість в Україні XX с. Київ, 1997. С. 71, 76–77.

снижался до 57 %, а в Донбассе чуть больше трети украинцев утверждали, что умеют читать и писать на родном языке⁴. Во многом это объяснялось его низким лингвистическим статусом в Российской империи, тем более что массовой школы на украинском языке до революции не существовало, а украинские крестьяне, попадая в город, русифицировались. Как подчеркивает Л. Т. Масенко, интенсификация контактов между украинским селом и русифицированным городом в конце XIX — начале XX в. приводила к распространению суржика⁵. Только в революционный период украинский язык начал активно проникать в официально-деловую сферу, науку, образование, периодическую печать. В такой ситуации не удивительно, что учреждения Советской Украины, особенно расположенные в крупных городах, столкнулись с нехваткой кадров, хорошо знающих украинский язык: и накануне украинизации только 35 % государственных служащих были украинцами, а госаппарат функционировал по-русски⁶.

Активное обучение советских служащих украинскому языку началось через два года, с назначением в Харьков Л. М. Кагановича. До этого времени выполнение принятых на самом высоком уровне решений оставляло желать лучшего, и украинизация проводилась во многом «на бумаге». На апрельском пленуме ЦК КП(б)У 1925 г. А. Я. Шумский, нарком просвещения Украины, вынужден был признать, что «стоящая во главе советского аппарата партийная верхушка не украинизировалась», а «для украинизации того или иного советского органа приглашается в качестве переводчиков какой-нибудь Петренко, Карпенко или Ковбаса, который и переводит на украинский язык все то, что входит в свет из недр данного учреждения»⁷. Действительно, накануне вышеупомянутого украинского пленума организационно-распределительный отдел ЦК РКП(б) констатировал, что «в Киеве произведенная проверка знаний украинского языка показала, что в 26 учреждениях из 6000 сотрудников знают украинский

⁴ Там же. С. 117.

⁵ Масенко Л. Т. Суржик: між мовою і языком. Київ, 2011. С. 16–17.

⁶ Кравченко Б. Соціальні зміни і національна свідомість в Україні XX ст. С. 141–142.

⁷ Центральный государственный архив общественных объединений Украины (Центральний державний архів громадських об'єднань України, ЦДАГОУ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 160. Л. 44 об.

язык лишь 28 %»⁸. Харьковское руководство постоянно фиксировало проявления «великодержавных» настроений. В материалах к апрельскому пленуму 1925 г. говорилось, что многие ответственные работники, «из тех, кто были перекинуты на Украину из РСФСР», считали украинизацию петлюровщиной, контрреволюцией. «Несерьезное» отношение к украинизации присутствовало в одесской парторганизации, среди партийцев Петровского района, Луганского и Зиновьевского округа⁹. Специалисты, особенно работавшие в хозяйственных учреждениях УССР, нередко говорили о том, что «в случае давления они бросят работу на Украине и переедут в Москву»¹⁰.

Новый глава КП(б)У, будучи верным приверженцем Сталина, приступил к укреплению власти своего патрона за счет аппаратной украинизации. Последняя предусматривала не только обновление партийного и советского аппаратов за счет выдвижения новых украинских кадров, но и обучение украинскому языку «старых» работников. При этом Каганович показал личный пример в овладении украинским языком.

В литературе Л. М. Кагановича нередко именуют «евреем с Киевщины»¹¹, «украинским евреем»¹² и «русифицированным евреем»¹³. Р. Медведев, упоминая о том, что «Каганович настойчиво требовал выучить украинский язык», замечает: «Сам он владел им свободно (возможно, с детства), делал на украинском доклады»¹⁴. Однако в данное утверждение известного публициста следует внести уточнение. Проверка конца 1926 г. показала, что из 45 членов ЦК КП(б)У украинским языком владели 14 человек, а Каганович был аттестован как слабо знающий язык¹⁵. Терри Мартин обращает внимание, что уроженец деревни Кабаны Радомысльского уезда Киевской губернии «говорил по-украински с примесью белорусских слов». «И хотя

⁸ Справка Организационно-распределительного отдела ЦК РКП(б) о ходе украинизации партийного и государственного аппаратов в УССР 2 апреля 1925 г. // ЦК РКП(б) — ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918–1933. М., 2005. С. 275.

⁹ «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. Київ, 2003. С. 65–66.

¹⁰ Там же. С. 82.

¹¹ *Шатовал Ю. І.* Олександр Шумський. Життя, доля, невідомі документи: дослідження, архівні матеріали. Київ; Львів, 2017. С. 121.

¹² *Субтельний О.* Україна: історія. Київ, 1991. С. 338.

¹³ Там же. С. 341.

¹⁴ *Медведев Р. А.* Они окружали Сталина. М., 2012. С. 64.

¹⁵ «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. С. 64.

Каганович по прибытии на Украину в 1925 г. слабо владел украинским языком, он сразу же встретился с представителями украинской интеллигенции и заговорил с ними на их родном языке, — подчеркивает американский ученый. — Кроме того, он пообещал выучить украинский язык так, чтобы уже на следующем съезде партии выступить по-украински (в 1925 г. ему не удалось выполнить это обещание, но уже на следующем съезде, в 1927 г., он по-украински говорил)¹⁶.

Сам Каганович в беседе с Ф.И. Чуевым вспоминал: «Мы жили в деревне Кабаны. Триста дворов. И еврейская колония — шестнадцать семей. Остальные украинцы, белорусы. Смешивались с белорусами. Про коня говорили не “кин”», как украинцы, а “кунь”, вол был не “вил”, а “вул”...»¹⁷ В своих «Памятных записках» Лазарь Моисеевич упоминал, что в деревне Кабаны «по-русски, точнее суржилом, то есть в смеси украинского с русским, говорили и понимали все»¹⁸. Во время учебы в школе в селе Мартыновичи Каганович «особенно налегал на историю, русский язык и литературу»¹⁹. Впрочем, Лазарь Моисеевич говорил по-украински в основном тогда, когда было необходимо продемонстрировать его знание. О возможностях и предпочтениях главы коммунистов Украины можно судить из его слов на выпускном собрании курсов окружных работников в июле 1928 г. Каганович говорил о необходимости изучения чиновниками украинского языка исключительно по-русски, и на просьбу с места говорить по-украински он заявил: «Я сегодня не выступаю по-украински исключительно потому, что страшно устал и голова болит... Я украинский язык знаю, но не настолько, чтобы думать по-украински»²⁰. Поэтому Каганович с особой гордостью вспоминал, что на X съезде КП(б)У в 1927 г. он делал отчет на украинском языке, «что, в частности, получило политическое значение и отзвуки»²¹.

¹⁶ Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011. С. 123.

¹⁷ Чуев Ф.И. Так говорил Каганович: Исповедь сталинского апостола. М., 1992. С. 106.

¹⁸ Каганович Л.М. Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного, партийного и советско-государственного работника. М., 1996. С. 49.

¹⁹ Там же. С. 39.

²⁰ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 81. Оп. 3. Д. 115. Л. 159.

²¹ Каганович Л.М. Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного, партийного и советско-государственного работника. С. 387.

Отношение к украинскому языку должно было продемонстрировать серьезность намерений главы республиканской парторганизации. Обучение чиновников языку титульной нации стало ведущим трендом в политике коренизации 1920-х гг. Вскоре после прибытия Кагановича в столицу Советской Украины, 17 апреля 1925 г., политбюро ЦК КП(б)У обсудило вопрос «О конкретных мероприятиях по проведению постановлений пленума ЦК об украинизации». Харьковское руководство решило сосредоточить внимание как на выдвижении «работников из украинцев, в первую очередь, рабочих и крестьян», так и на обучении партийных и советских работников, советских служащих различных рангов украинскому языку. Среди важнейших мероприятий значилось «улучшение постановки существующей сети курсов, в первую очередь для партаппарата сверху до низу»²². Была поставлена амбициозная цель — обучить служащих украинскому языку за оставшиеся месяцы 1925 г. 30 апреля ВУЦИК и СНК УССР опубликовали постановление «О мерах срочного проведения полной украинизации советского аппарата», по которому перейти на украинское делопроизводство надлежало не позднее 1 января следующего года, причем «сотрудники государственных учреждений и государственных торгово-промышленных предприятий, у которых замечено будет отрицательное отношение к украинизации, выражающееся в том, что за истекший период они не принимали никаких мер к изучению украинского языка, могут быть администрацией этих учреждений и предприятий уволены без выдачи выходного пособия»²³. Следует сразу оговорить, что достичь поставленной цели не удалось, и срок завершения украинизации аппарата был перенесен сначала на 1 января 1927 г., а позднее — на 1 июня 1929 г.²⁴

Однако в 1925 г. республиканские лидеры были полны энтузиазма, и созданная Комиссия политбюро ЦК КП(б)У по украинизации предложила наркоматам и центральным учреждениям республики «организовать при учреждениях курсы украинского

²² ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1976. Л. 18.

²³ Про заходи термінового проведення повної українізації радянського апарату // Збірник узаконень та розпоряджень робітничо-селянського уряду України за 1925 рік. Харків, 1925. Від. 1. № 26 Арт. 202. О проблеме увольнения служащих в период украинизации подробнее см.: Борисёнок Е.Ю. Украинизация служащих в УССР в 1920–1930-е годы // Славяноведение. 2015. № 3. С. 17–28.

²⁴ «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. С. 83.

языка»²⁵. Языковые курсы не были нововведением Лазаря Моисеевича. О необходимости их существования в УССР говорили уже несколько лет. Так, 21 сентября 1920 г. украинский Совнарком поручил Наркомпросу республики организовать в губернских центрах и на местах «вечерние школы для изучения украинского языка советскими служащими»²⁶. В 1921 г. Наркомпрос, в свою очередь, предложил ввести украиноведение в качестве обязательного предмета в совпартшколах, политпросветкурсах, учреждениях по подготовке политсостава, а для политработников высшего звена, кто «не мог уделять изучению украиноведения много времени» — организовать краткосрочные курсы²⁷. После объявления XII съездом курса на коренизацию в республиканских партийных и советских документах постоянно говорилось об украинском языке и украиноведении. Например, в постановлении июньского пленума ЦК КП(б)У 1923 г. речь шла о необходимости пересмотреть программы совпартшкол и школ политграмоты в сторону увеличения часов украиноведения — украинского языка, литературы, истории и экономической географии Украины²⁸. Постановление ВУЦИК и СНК УССР «О мерах обеспечения равноправия языков и о помощи развитию украинского языка» от 1 августа 1923 г. содержало пункт о том, что граждане, не владеющие обоими наиболее распространенными языками (то есть украинским и русским. — Е.Б.), не могут быть приняты на службу в государственное учреждение, а те, кто уже работает — должны выучить в течение года²⁹.

Однако при прежнем главе республиканской парторганизации курсы работали достаточно вяло. Как значилось в выпущенной в 1925 г. в Харькове брошюре под названием «Украинизация советских учреж-

²⁵ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1976. Л. 97.

²⁶ Про введення української мови в школах і радянських установах. Постанова РНК УСРР від 21 вересня 1920 р. // Культурне будівництво в Українській РСР. Важливіші рішення Комуністичної партії і радянського уряду 1917–1959 р.: у 2 т. Збірник документів. Т. 1: 1917–1941. Київ, 1959. С. 72.

²⁷ Горбань Т. Українознавство у позашкільній освіті в УСРР (20-ті роки ХХ століття) // Історико-педагогічний альманах. 2018. № 1. С. 23.

²⁸ Про заходи по здійсненню резолюції XII з'їзду з національного питання в галузі партійної роботи. Постанова Пленуму ЦК КП(б)У від 22 червня 1923 р. // Культурне будівництво в Українській РСР. Т. 1: 1917–1941. С. 230.

²⁹ Про заходи забезпечення рівноправ'я мов і про допомогу розвитку української мови. Постанова ВУЦВК і РНК УСРР від 1 серпня 1923 р. // Культурне будівництво в Українській РСР. Т. 1: 1917–1941. С. 246–247.

дений (декреты, инструкции и материалы)», курсы при учреждениях существовали уже 4–5 лет, причем «потрачено на них сотни тысяч рублей государственных денег, а итоги имеем незначительные». Объяснялось это как «оторванностью» служащих «от украинских рабочих и крестьян», русифицированностью города, несознательным отношением к украинизации, так и отсутствием «твердых организационных форм инспектуры и методического руководства украинизацией»³⁰. Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции признавал, что «курсы по украинизации были чересчур краткосрочны, в среднем не больше 3–4 месяцев», причем «повторные, высшего типа, курсы (2-й ступени) — только на Киевщине». «За такой краткий срок не могло быть удовлетворительного изучения языка»³¹, — делал вывод заведующий секцией культуры и образования НК РКИ Калужный.

16 июля 1925 г. было принято очередное постановление, озаглавленное «О практических мерах по украинизации советского аппарата». Руководить аппаратной украинизацией должна была Центральная всеукраинская комиссия по украинизации советского аппарата во главе с председателем украинского Совнаркома В.Я. Чубарем. При всех учреждениях создавались специальные комиссии, которые должны были проверять знание украинского языка сотрудников, организовывать обучение украинскому языку на специальных курсах и проводить аттестацию после их окончания³². Методологическое и инспекционное руководство курсами возлагалось на подотделы украиноведения и ликвидации украинской неграмотности при отделе ликбеза Главполитпросвета и при инспектурах ликбеза округов. Подотделы вели учет преподавателей курсов, проверяли их квалификацию, разрабатывали программу обучения на курсах, участвовали в проверке знаний учащихся и выдавали удостоверения³³.

³⁰ Чергові завдання п/відділів ліквідації української неписьменности // Українізація радянських установ (декрети, інструкції і матеріали). Харків, 1925. С. 24.

³¹ Попередні висновки секції культури і освіти НК РСІ УСРР про обстеження стану українізації. Не пізніше листопада 1925 р. // Національні відносини в Україні у ХХ ст. Збірник документів і матеріалів. Київ, 1994. С. 128.

³² Про практичні заходи по українізації радянського апарату // Збірник узаконень та розпоряджень робітничо-селянського уряду України за 1925 рік. Харків, 1925. Від. 1. № 56. Арт. 332.

³³ Положення про підвідділи українознавства та ліквідації української неписьменности при відділах лікнепу голов та окрполітосвіти // Українізація радянських установ (декрети, інструкції і матеріали). С. 11.

Центральная комиссия по украинизации утвердила Положение о курсах изучения украинского языка. В учреждениях такие курсы следовало организовать не позднее 1 августа³⁴. Их слушатели (курсанты) должны были не только научиться говорить и писать по-украински («правильное произношение, навыки письма, запас слов, умение выразить мысль на украинском языке, а также усвоение законов украинского языка — грамматики»), но и познакомиться «с элементами украиноведения». Курсы были предназначены для двух категорий: «а) для лиц, которые совсем не владеют украинским языком, или знают его неудовлетворительно; понимают язык, владеют элементарным минимумом слов и выражений, но не могут писать, или пишут неграмотно с грамматической и синтаксической стороны; б) для лиц, которые более-менее владеют украинским языком, но нуждаются в более глубоком знании его (умеют вести беседу на украинском языке, читать, писать, но с ошибками, — главным образом синтаксического характера)»³⁵. «Посещение курсов обязательно для всех, как технических, так и ответственных работников...»³⁶ — подчеркивалось в документе. Для первой категории слушателей (то есть для тех, кто совсем не знал языка) устанавливался срок обучения в пять месяцев, три раза в неделю по два академических часа, а для второй (для тех, кто знал плохо) — три месяца, также три раза в неделю по два академических часа. Преподавателей для учебных групп (по 30 человек каждая) подбирали то или иное учреждение, а инспектура ликбеза в обязательном порядке утверждала кандидатуры. Особо оговаривалось, что назначение преподавателей на курсы должно было проводиться за счет самого учреждения³⁷. Преподаватели, нагрузка которых составляла 18 учебных часов в неделю, вели дневник обучения и посещения курсов, причем еженедельно докладывали заведующему курсами о количестве учебных часов, объеме пройденной программы и о посещении слушателей³⁸. После окончания курсов преподаватели оценивали знания каждого слушателя, составляли общий

³⁴ Положення про курси вивчення української мови в державних та громадських установах і організаціях // Українізація радянських установ (декрети, інструкції і матеріали). С. 14.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. С. 15.

отчет для заведующего курсами, и уже по докладу последнего комиссия по украинизации устанавливала, «к какой категории следует отнести того или иного сотрудника». Таких категорий было три. К первой относились те, кто полностью овладел украинским литературным языком; ко второй — те, кто усвоил язык в пределах, необходимых для повседневного общения в учреждении; к третьей — те, кто не смог овладеть языком в достаточной степени. Если тот или иной сотрудник не был доволен выставленной оценкой, он мог потребовать провести отдельный экзамен с участием комиссии по украинизации и представителя инспектуры ликбеза Наркомпроса³⁹.

11 августа 1925 г. глава Наркомпроса Советской Украины А. Я. Шумский утвердил программу обучения для курсов. Первый раздел программы был посвящен украинскому языку. Слушатели должны были получить общие сведения: «о происхождении украинского языка, его место среди других славянских языков, разделение на наречия, о современном литературном украинском языке и его отношении к народному, о территориальном распространении украинского языка»⁴⁰. При изучении украинской фонетики следовало уделить внимание таким ее особенностям, как «смена *e*, *o* на *i* в закрытых слогах, отверждение губных, явления благозвучности — смена *i*, *y* на *й*, в после гласных и наоборот, отсутствие акания в укр[аинском] языке и т. д.». Знакомясь с морфологией, слушатели должны были изучить такие особенности, как формы звательного падежа у существительных, дательный мужского рода на *ові, еві*, смягчение звуков *г, к, х*, формы местоимений, числительных, глаголов, формы будущего времени на *му*, давнопрошедшее время, повелительное и условное наклонение, причастия и деепричастия и т. д. Наконец, преподаватели должны были обратить внимание слушателей на безличные обороты в украинском языке, распространенное употребление родительного падежа, познакомить с типичными фразеологическими оборотами⁴¹.

Второй раздел программы был посвящен знакомству с украинской литературой. В списке оказались произведения как

³⁹ Там же.

⁴⁰ Програма української мови для курсів українознавства по державних установах УСРС на 1925 рік // Українізація радянських установ (декрети, інструкції і матеріали). С. 16.

⁴¹ Там же.

дореволюционных «лучших украинских писателей» (П. П. Гулак-Артемовский, Т. Г. Шевченко, Марко Вовчок, Г. Ф. Квитка-Основьяненко, И. С. Нечуй-Левицкий, Иван Франко, М. М. Коцюбинский и др.), так и современных (В. К. Винниченко, П. Г. Тычина, В. Н. Сосяра, В. Л. Полищук, Г. М. Косынка, С. В. Пилипенко, Остап Вишня и др.)⁴². Кроме того, предусматривалось знакомство «с публицистическим современным языком» периодических изданий («Вісти», «Селянська правда», «Радянське село» и др.)⁴³.

В список справочной литературы вошли учебники и учебные пособия по украинскому языку А. Н. Синявского, Н. Д. Гладкого, Н. К. Грунского и Г. А. Сабалдира, Е. Б. Курыло, К. Т. Нимчинова. В списке также значились изданные в 1925 г. ВУАН «Главные правила украинского правописания», несколько украинско-русских и русско-украинских словарей, хрестоматии и книги для чтения, а также очерки по истории украинской литературы (В. Д. Коряка, А. К. Дорошкевича и др.)⁴⁴.

Как следовало из методической записки к программе украинского языка, курсы призваны были «ликвидировать украинскую неграмотность среди служащих учреждений и организаций», помочь овладеть украинским разговорным языком «с правильным произношением», увеличить лексический запас и познакомить с профессиональной терминологией, то есть на таком уровне, который удовлетворял бы «потребности их труда и жизни». Одновременно республиканские власти рассчитывали «вызвать интерес к украинской культуре» у служащих, помочь разобраться в общественных и бытовых явлениях «как современной, так и прежней Украины»⁴⁵. Как верно заметила Л. И. Епик, «с точки зрения советской власти, украинизированным мог считаться государственный служащий только тогда, когда он овладел не только основами украинского языка, но и получил начальные знания по истории, географии

⁴² Там же. С. 16–17.

⁴³ Там же. С. 17.

⁴⁴ Там же. С. 17–18. Об учебниках периода украинизации см. подробнее: *Останчук О. А.* Учить по-новому: украинский язык в учебниках эпохи украинизации // «Родное слово». Белорусский и украинский языки в школе (очерки истории массового образования, середина XIX — середина XX века). М., 2021. С. 304–328.

⁴⁵ Методична записка до програми української мови для курсів українознавства по державних установах УСРР на 1925 р. // Українізація радянських установ (декрети, інструкції і матеріали). С. 19.

Украины и украинской литературе». Постепенно даже изменилось название курсов, которые стали именоваться «курсами украиноведения»⁴⁶.

Таким образом, задачи курсов были весьма обширными. Разработчики программы понимали, что ограниченное время и возможности «не позволяют разделить работу на курсах на отдельные дисциплины — на язык, литературу, историю, этнографию, географию и т.п.». «Все формы работы на курсах состоят из чтения образцов украинского литературного языка в его различных областях, живой беседы на украинском языке по поводу читанок и для более полного понимания прочитанного, а также соответствующих письменных работ. Вопросы экономические, исторические, географические, этнографические — это только эпизодический материал для социологического освещения прочитанного литературного произведения, это вопросы, вызываемые прочитанным литературным материалом»⁴⁷, — говорилось в методической записке. Подбор литературно-художественных и публицистических произведений, тем для бесед, материалов для письменных работ зависел от фактического состава слушателей, характера их работы и сферы деятельности⁴⁸. Во время каждого занятия должны были применяться «все основные методические элементы работы — пересказ, чтение, беседа, рассказы и письмо»⁴⁹. Вместо лекций преподавателям предлагалось использовать беседу, «когда активное участие в проработке материала принимает весь коллектив»⁵⁰. Кроме того, рекомендовались такие методы обучения, как устные и письменные доклады и рефераты, литературные суды с ведением протоколов, устная газета, конференции, экскурсии⁵¹. Предусматривалось также «составление образцов деловых бумаг, писем в соответствии с интересами и работой курсантов»⁵², а также «знакомство с украинской терминологией советского аппарата и с терминологией

⁴⁶ *Єпик Л.І.* Документи Державного архіву Сумської області про українізацію партійного і державного апарату на початку 20-х років ХХ ст. // Сумський історико-архівний журнал. 2013. № 20. С. 10.

⁴⁷ Методична записка до програми української мови для курсів українознавства по державних установах УСРР на 1925 р. С. 19.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. С. 20.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же. С. 20–21.

⁵² Там же. С. 20.

делопроизводства»⁵³. Преподаватели должны были обратить внимание на «правильное использование украинских слов, обозначающих абстрактные понятия (например, соответствующие русским: “обращение, событие, опровержение, влияние” и т. п.); на ясное понимание курсантами фразеологических особенностей украинского языка, что должно избавить их от вредных русизмов как в отдельных словах, так и в словосочетаниях»⁵⁴.

В харьковской прессе 1920-х гг., как указывает К. В. Шпакович, весьма распространенными стали рубрики «курсы по ликвидации украинской неграмотности», «курсы украинского языка», а затем — «курсы по украиноведению». Так, 6 июля 1926 г. в газете «Вісті ВУЦВК» было напечатано следующее объявление: «В Харькове начинают работать государственные курсы украинского языка и украиноведения для повышения знаний сотрудников учреждений. Курсы продлятся 3–5 месяцев. 15 мест на курсах будут бесплатными, остальные платные»⁵⁵. Как пишет Т. Ю. Горбань, в 1927 г. были созданы государственные заочные курсы украиноведения, ориентированные в основном на рабочих и крестьян, но ставшие удобной формой получения знания для учителей, служащих госучреждений, работников общественных организаций. Слушатели могли или посещать полный курс украиноведения, или ознакомиться только с одной из его составляющих — историей, литературой, культурой. На базе курсов действовали консультационные пункты в учреждениях и предприятиях. Программы и учебные планы разрабатывала созданная годом ранее, в 1926 г., научно-методическая комиссия при украинском Наркомпросе⁵⁶. Курсы работали как в центре, так и на местах, а для преподавателей проводились спецсеминары, которые до конца 1920-х гг. «оставались постоянной формой организованной подготовки и переподготовки преподавателей украиноведения для системы внешкольного образования»⁵⁷. Подготовка лекторов для курсов была насущной необходимостью в условиях развернувшейся

⁵³ Там же. С. 22.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Шпакович К. В. Мовна політика та українізація національно-державного апарату на сторінках харківських періодичних видань 1920-х років // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. 2014. Вип. 40. С. 112.

⁵⁶ Горбань Т. Українознавство у позашкільній освіті в УСРР (20-ті роки XX століття). С. 26.

⁵⁷ Там же. С. 26–27.

украинизации. Обучали украинскому языку самые разные люди. Лучшими преподавателями считались учителя школ и студенты педагогических вузов. Кроме того, отдельную категорию составляли литераторы и интеллигенция. Харьковская пресса писала, что украинский язык преподавали люди, знавшие украинский язык, поскольку «выросли в селе и много читали», но «научно никогда его не изучали», а также оказавшиеся в УССР галичане⁵⁸. В 1927 г. о курсах украинского языка и украиноведения информировала читателей харьковская газета «Культура і побут»: на государственных курсах для 20–30 лекторов проводились семинары по национальной политике советской власти, физическим и экономическим характеристикам Украины, истории Украины, истории украинской литературы, украинского искусства и системе образования в УССР. Эти курсы предназначались для систематизации и повышения имеющихся знаний⁵⁹. Подобные объявления размещались и в местных изданиях. Например, газета «Диктатура труда», орган Сталинского окружного комитета КП(б)У, в июне 1927 г. сообщала о создании пяти- и трехмесячных курсов⁶⁰.

Как указывает украинский историк И. А. Дмитрик, «порядок и формы языковых курсов, методика проведения экзаменов с целью проверки уровня знаний регламентировались на общенациональном уровне, но местные власти и партийные ячейки адаптировали рекомендуемые нормы к собственным нуждам, опираясь на оценку насущности задач и имеющиеся ресурсы»⁶¹. О примерном содержании местных программ можно судить по учебным материалам курсов Конотопа. Местным служащим для изучения украинского языка отводилось 70 лекций, из них на фонетику приходилось 15 лекций, на словообразование и синтаксис — по 10 лекций, на практическую работу (главным образом по делопроизводству) — 10 лекций и 25 — на чтение⁶². Образцы деловых бумаг следовало брать в канцеляриях

⁵⁸ Шпакович К. В. Мовна політика та українізація національно-державного апарату на сторінках харківських періодичних видань 1920-х років. С. 113.

⁵⁹ Там же. С. 115.

⁶⁰ Дмитрик І. О. Історико-правові аспекти функціонування курсів української мови для службовців у 1920-х рр. (на матеріалах Донеччини) // Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету. Сер.: Юриспруденція. 2019. № 42, т. 1. С. 13.

⁶¹ Там же. С. 14.

⁶² Єпик Л. І. Документи Державного архіву Сумської області про українізацію партійного і державного апарату на початку 20-х років ХХ ст. С. 13. Документ не датований.

окрисполкома, райисполкома или учреждения, с которым были связаны курсанты. «Учитывая же то, что в делопроизводстве долго еще будет ощущаться влияние русских образцов, а служащие будут в большинстве лишь переводчиками их, необходимо практиковать на курсах переводы с русского языка на украинский»⁶³, — говорилось в программе курсов.

Изучению истории литературы на курсах Конотопа отводилось 5 лекций. Темой первой лекции были «общие обстоятельства, в которых развивалась украинская литература (тяжелым путем)», в том числе: «Язык и характер древней литературы времен Киевского государства. Культурный упадок на протяжении XIV–XV вв. Что дала литература XVII–XVIII вв. (повести, драмы, стихи). Народолюбие и демократическая литература на рубеже между XVIII и XIX вв. Ее представители. Расцвет литературы в 1863 г. Рост украинства и 1876 г. От 1876 до 1905 г. Значение революции 1905 и 1917 г. для украинской литературы». Вторая лекция отводилась Т. Г. Шевченко, третья — Ивану Франко (он именовался в программе «Шевченко Галичины») и Б. Д. Гринченко, четвертая — Лесе Украинке, М. М. Коцюбинскому и В. К. Винниченко. Темой последней лекции была современная литература: «Социально-политическое содержание революционных событий 1917 г. Влияние революции на литературу. Поэты-символисты (Тычина, Загул, Савченко, Слисаренко), группа — Хвылевой, Сосяра, Иогансен, Алан, Чумак. Поэты-футуристы с Семенко во главе; поэты-неоклассики (Рыльский, Кобылянский), импрессионисты — Ивченко, Подмогильный, Михайличенко, Косынка»⁶⁴.

Программа по истории включала шесть пунктов и предусматривала знакомство как с общими понятиями (исторический материализм, классовая борьба и т. п.), так и с «особыми чертами украинской истории». Слушатели должны были сначала ознакомиться с историей древнейших славян и Киевского государства, затем — украинских земель в составе Великого княжества Литовского и Речи Посполитой. Далее следовали сведения о «революции 1648 г.», «присоединении к Москве» и «русификации Украины». Лекция о событиях XIX в. включала в себя, помимо сведений о Кирилло-Мефодиевском братстве, народничестве, социалистических кружках, также

⁶³ Там же. С. 15.

⁶⁴ Там же. С. 16–17. Документ не датирован.

о Галиции как «центре украинской культурной жизни». Рассказывая о событиях новейшего времени, мировой войне и революции, лектор должен был обратить внимание слушателей на «русификаторские меры русского правительства в Галиции», «украинский национализм как отпечаток аграрного и мелко-промышленного капитализма». Последними пунктами значились: «Культурное возрождение Украины. Национальная политика советской власти. XII съезд РКП»⁶⁵.

Помимо курсов, существовали и другие формы массового распространения знаний в области украиноведения. Кружки украиноведения создавались при сельских клубах, избах-читальнях и библиотеках, в городах — при рабочих клубах. Однако, как признает Т. Ю. Горбань, заинтересовать украиноведением широкие рабочие массы было сложно. Если в сельской местности, как пишет украинский исследователь, было около 500 кружков, то в Харькове в 1927 г. кружков украиноведения в рабочих клубах фактически не было вообще, а работу на украинском языке проводили лишь 3–4 из них. Аналогично сложилась ситуация и в других промышленных центрах и регионах республики — Донбассе, Приднепровье. Однако были и другие примеры. Профсоюзу работников связи удалось наладить работу 25 кружков украиноведения повышенного типа, работу семинаров по истории украинской культуры, кружков по изучению украинской художественной литературы, а в Харькове и Кременчуге были даже созданы украиноведческие кружки для безработных⁶⁶. В научно-исследовательских институтах, учреждениях ВУЦИК, структуре отдельных наркоматов были созданы «Общества содействия украинскому языку и культуре», в составе которых, среди прочих, были и секции украиноведения. Однако украинский историк признает, что некоторые из них имели формальный характер⁶⁷.

Литературный критик, историк литературы, вице-президент ВУАН С. А. Ефремов считал, что в постановке изучения украинского языка делалось «немало и глупостей»: «Учат не так язык, как грамматику и всякие хитрости грамматические, пишут диктанты, забивают головы орфографическими мелочами, к тому же не устоявшимися. В результате какое-то буквоедство получается, которое дает

⁶⁵ Там же. С. 17. Документ не датирован.

⁶⁶ Горбань Т. Українознавство у позашкільній освіті в УСРР (20-ті роки ХХ століття). С. 24–25.

⁶⁷ Там же. С. 26.

основание сетовать совершенно справедливо. Сам по себе целесообразный подход — чтобы служащие знали народный язык — приобретает уродливые формы. Хотя без принуждения тут, очевидно, ничего сделать нельзя. Старый чиновник, который думает, что все для него, а не он для народа, еще не умер и твердо сидит в каждом советском служащем. А из этого выходит и смех, и горе, когда в старости приходится за грамматику и правописание браться»⁶⁸.

Служащие многочисленных советских учреждений относились без восторга к необходимости посещения курсов. По одному из подсчетов, проведенных в октябре 1925 г., не желали учить украинский язык 65 % служащих наркоматов, 59,2 % — центральных хозяйственных учреждений, 58,1 % — центральных торговых учреждений, 53,85 % — окружных учреждений. Часть учреждений использовала в качестве преподавателей украинского языка своих сотрудников, «более-менее владеющих украинским языком, но не знакомых с методиками преподавания». Руководители часто «невнимательно» относились к украинизации, «отказываясь в отпуске средств», не снабжали курсы канцелярскими принадлежностями и т. п.⁶⁹ Средств для финансирования курсов не всегда хватало. В ноябре 1925 г. Наркомпрос предупредил подведомственные учреждения, что «специальных кредитов на проведение курсов украинского языка для сотрудников учреждений НКП, в смете на 1925/1926 операционный год, не предусмотрено». Предлагалось «осуществлять украинизацию из сумм общих сметных ассигнований»⁷⁰.

Центральная всеукраинская комиссия по украинизации советского аппарата летом 1926 г. вынуждена была признать, что «сотрудники, которые окончили курсы украинского языка и получили удостоверение о знании языка первой категории, бросили работу по совершенствованию знания украинского языка и частично забыли его»⁷¹. По выводам рабоче-крестьянской инспекции, в госучреждении

⁶⁸ *Ефремов С. О.* Щоденники. 1923–1929. Київ, 1997. С. 155.

⁶⁹ *Епик Л. І.* Документи Державного архіву Сумської області про українізацію партійного і державного апарату на початку 20-х років ХХ ст. С. 13.

⁷⁰ До всіх установ Наркомосу, що на держбюджеті, і всім Інспектурам Наросвіти. 23/XI-25 р. Ч. 501. Про фінансування курсів укромови при установах НКО // Бюллетень Народного комісаріату освіти. Грудень. Ч. 12 (17). Харків, 1925. С. 21.

⁷¹ Доповідна записка Центральної всеукраїнської комісії українізації радянського апарату при РНК УСРР президії Центрального всеукраїнського виконавчого комітета про стан українізації радянського апарату УСРР Не пізніше 14 серпня 1926 р. // Національні відносини в Україні у ХХ ст. С. 157.

ях украинизация носила часто «характер узко формальный»: «Язык украинизированной корреспонденции — дубовый... В губернских учреждениях по-украински пишутся главным образом небольшие отношения, более серьезные и обширные доклады поручается писать по-русски, особенно, если это предназначено для центра»⁷².

Республиканские власти стремились мотивировать служащих лучше изучать украинский язык. 23 сентября 1926 г. украинский Совнарком, заслушав доклад Центральной комиссии по украинизации советского аппарата, постановил: «Для усиления знания украинского языка и для выявления достижений в деле изучения языка, необходимо провести как в центре, так и на местах, проверку знаний сотрудников, которые по знанию украинского языка отнесены ко второй категории, начиная с 1 января 1927 г., поручив Центральной всеукраинской комиссии украинизации совппарата (так в тексте. — *Е.Б.*) при СНК УССР, вместе с Наркомпросом УССР установить план и порядок назначенной проверки, как в центре, так и на местах»⁷³. 23 декабря 1926 г. В. Я. Чубарь подписал положение о проверке знания украинского языка тех служащих советских учреждений, кто еще не сдал экзамен, и кто был отнесен ко второй категории⁷⁴. В экзаменационную комиссию, помимо членов комиссии по украинизации учреждения, входили также представитель месткома, преподаватель курсов украинского языка и представители подотдела укрликбеза. Экзамен состоял из двух частей — письменной работы (на нее отводилось не более получаса) и устной проверки. Между письменной и устной частями отводился час на проверку письменных работ. Материалы для письменной проверки готовила экзаменационная комиссия: «а) перевод делового письма, или самостоятельное составление, в котором встречаются характерные, канцелярские выражения; б) свободное сочинение на темы из советской и профессиональной жизни, или пересказ прочитанного произведения из литературы по программе Наркомпроса; в) диктант, который проводит преподаватель курсов»⁷⁵. Устную проверку можно было проводить двумя способами:

⁷² ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2894. Л. 53–54.

⁷³ Постанова Ради Народних Комісарів УСРР на доповідь Центральної комісії по українзації радпарату про заходи щодо дальшого її поглиблення. 23 вересня 1926 р. // Національні відносини в Україні у XX ст. С. 163–164.

⁷⁴ ЦДАГО України. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2252. Л. 55.

⁷⁵ Там же.

«а) устный ответ на вопросы комиссии в рамках усвоенной программы, б) проверка сотрудника на его ежедневном рабочем месте»⁷⁶.

Во время экзамена проверялись знание правил украинского правописания, техника чтения, умение говорить на украинском языке и переводить с русского языка на украинский и наоборот⁷⁷. У «работников низшей категории» (технический персонал) и у тех, кому приходилось мало писать (кассиры), требовали, чтобы они «свободно говорили на украинском языке». Категории сотрудников по знанию украинского языка оставались прежними. Первую категорию могли получить те, кто свободно переводил, свободно говорил и грамотно писал; вторую — кто хорошо переводил с русского языка на украинский и наоборот при помощи словаря, владел языком в рамках повседневного общения и умел исправлять сделанные ошибки; в третью категорию входили те, кто «читает, переводит, но живой речью не владеет»⁷⁸. Экзаменационная комиссия отмечала в своем протоколе, «кого необходимо перевести на другую работу, а кому необходимо дать некоторый срок для совершенствования языка»⁷⁹. Протокол передавался директору организации или предприятия, который издавал приказ об увольнении или перемещении сотрудников. Отсылался протокол и в подотделы укрликбеза и в окружные инспектуры, которые и выдавали удостоверения о сдаче экзаменов и категории знания украинского языка⁸⁰.

Учреждениям приходилось заполнять различные анкеты. Например, в марте 1925 г. при Запорожском окрисполкоме была создана комиссия по проверке знания служащими украинского языка. Перед проверкой учреждения должны были прислать в комиссию списки сотрудников и заполнить по каждому из них следующую анкету: «1. Фамилия, имя и отчество; 2. год рождения и возраст; 3. должность; 4. образование; 5. национальность; 6. партийность; 7. с какого времени проживает на территории УССР; 8. знает или нет украинский язык; 9. посещал или нет курсы украиноведения»⁸¹.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же. Л. 56.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Мозуленко Д. І. Напрямки політики коренізації: перевірка знання української мови та мов національних меншин держслужбовцями Півдня УСРР // Музейний вісник. Запоріжжя, 2015. № 15/2. С. 185.

Республиканские власти следили за проведением украинизации на местах весьма тщательно. В сентябре 1927 г. Организационно-распределительный отдел ЦК ВКП(б) докладывал, что «за злостное нежелание учиться украинскому языку по центральным учреждениям было уволено 263 работника, 3,2% всех служащих»⁸². Предпринятые усилия стали приносить плоды. Уже в 1926 г. Комиссия по украинизации при политбюро ЦК КП(б)У отметила, что по сравнению с предыдущим годом в наркоматах и центральных учреждениях количество служащих, хорошо владевших украинским языком, выросло на 11%, средне владевших языком — выросло на 36,6%, совсем не владевших — снизилось на 14,7%⁸³. Один из украинских деятелей, И. В. Майстренко, в годы украинизации работавший преподавателем украинского языка, вспоминал, что от курсов освобождались только руководители учреждения. «Мало кто на экзаменах проваливался, хоть первую (наивысшую) категорию получали не многие, — писал Майстренко. — Кто не мог сдать экзамены (это были преимущественно те, кто не посещали курсов), тот не получал свидетельства и автоматически должен был увольняться с работы»⁸⁴. Безусловно, руководители учреждений нередко просили оставить или принять на работу ценных специалистов без знания украинского языка. Например, окружная комиссия по украинизации, действовавшая в Николаеве, 13 ноября 1926 г. решила «признать возможным оставить на должностях, в качестве специалистов, до 1 января 1927 г., рабочих, отнесенных к третьей категории». Далее следовал список из 22 фамилий. Трех человек, «как технических работников низшей категории, оставить на должностях с условием, чтобы в дальнейшем ими был усовершенствован живой украинский язык»⁸⁵.

Однако не всегда все проходило гладко. В. В. Птуха, занимавший в 1924–1927 гг. должность инструктора ЦК ВКП(б), на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) 14 февраля 1927 г. упоминал: «При проверке

⁸² Докладная записка Организационно-распределительного отдела ЦК ВКП(б) и ЦК ВКП(б) о практике национализации советских, партийных, профессиональных и кооперативных аппаратов. 16 сентября 1927 г. // ЦК РКП(б)-ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918–1933 гг. С. 513.

⁸³ «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. С. 80.

⁸⁴ Майстренко І. В. Історія мого покоління: Спогади учасника революційних подій в Україні. Едмонтон, 1985. С. 183–184.

⁸⁵ Овчаренко Д. В. Українізація службовців державних та партійних установ Миколаївського округу у 1920-і роки // Гілея (науковий вісник). 2009. № 23. С. 70.

знаний украинского языка, например, среди служащих, мы сталкиваемся с таким явлением, когда к служащим предъявляются невыполнимые требования. Например, уборщице предъявляется требование написать, “как отразилась революция [190]5-го года в украинской литературе”. (Смех.) Причем нужно отметить, что это делается под страхом исключения из учреждения». После чего последовала реплика Л. М. Кагановича: «В Киеве уволили 70-летнего старика, сторожа еврейского кладбища, за незнание украинского языка»⁸⁶.

Глава республиканской парторганизации сделал это замечание в середине февраля, а через месяц, 11 марта, Центральная всеукраинская комиссия по украинизации советского аппарата признала, что правило о приеме на работу в госучреждения только тех, кто имел удостоверения о знании украинского языка первой или второй категории, не распространялось на следующих работников: на тех, кто не имел отношения к делопроизводству (например, вагоновожатые), на обслуживающий персонал (уборщицы, конюхи, сторожа, истопники и т. д.), а также на специалистов, приглашенных из других союзных республик или из-за рубежа на временную работу (инженеры, архитекторы и т. д.)⁸⁷. Еще через несколько месяцев, 6 июля, ВУЦИК и СНК УССР постановили, что обучение сотрудников государственных учреждений, «не вполне хорошо» усвоивших украинский язык, должно было проводиться «только за их собственные средства»⁸⁸. В следующем, 1928 г. украинский Наркомпрос распорядился направлять служащих, которые недостаточно владели украинским языком, на государственные курсы украиноведения. После обучения им предстояло сдать экзамен при центральных или окружных курсах, а в случае неудовлетворительного результата — пройти курс повторного обучения⁸⁹.

⁸⁶ Григорьев Е. М. История коренизации // Историк. 2015. № 7–8. С. 78–83. URL: <https://историк.рф/journal/история-коренизации/> (дата обращения: 29.04.2022). Автор опубликовал выдержку из стенограммы заседания Оргбюро ЦК ВКП(б) от 14 февраля 1927 г. об украинизации в Одесской парторганизации.

⁸⁷ Про вимоги знати української мови для осіб, що стають на службу в державні установи й підприємства УСРР // Збірник узаконень та розпоряджень робітничо-селянського уряду України за 1927 рік. Харків, 1927. Від. 2. Ч. 11. Арт. 57.

⁸⁸ Про забезпечення рівноправ'я мов і про сприяння розвитку української культури // Збірник узаконень та розпоряджень робітничо-селянського уряду України за 1927 рік. Харків, 1927. № 34. Арт. 157.

⁸⁹ Горбань Т. Українознавство у позашкільній освіті в УСРР (20-ті роки ХХ століття). С. 27.

Большое внимание к украинизации партийного и советского аппаратов сохранялось и после отъезда с Украины Кагановича в июле 1928 г. Активным ее сторонником был Н.А. Скрыпник, назначенный главой Наркомпроса УССР еще при Лазаре Моисеевиче, весной 1927 г. Так, о необходимости обучения служащих украинскому языку говорилось в постановлении Наркомпроса 11 июля 1932 г. В документе отмечалось неудовлетворительное состояние украинизации аппарата районных, городских, республиканских и всесоюзных учреждений и предприятий, в том числе плохое владение сотрудников украинским языком, причем подчеркивалось, что они «не разговаривают на украинском языке». Последним предлагалось поступить на государственные курсы украиноведения. 4 августа того же года наркомат издал постановление «Об организации стационарных и заочных государственных курсов украиноведения», в котором речь шла об отставании в области украинизации советского аппарата и необходимости «организовать во всех районных и городских центрах стационарные государственные курсы украиноведения». Наконец, 11 декабря Наркомпрос выпустил постановление «Об экзаменах по украинскому языку для служащих всех учреждений и предприятий как республиканского, местного, так и всесоюзного значения, учреждений транспорта и различных организаций». Планировалось до 15 января 1933 г. проверить знание украинского языка служащих всех учреждений и предприятий. На низовой технической персонал и лиц старше 50 лет это постановление не распространялось. Одновременно предлагалось увольнять без предупреждения и выходного пособия тех, кто враждебно относился к украинизации⁹⁰.

Однако полностью воплотить в жизнь все намеченные планы Скрыпнику не удалось: в известном постановлении «О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и в Западной области», принятом ЦК ВКП(б) и СНК СССР 14 декабря 1932 г., виновниками тяжелого положения в сельском хозяйстве были названы «контрреволюционные элементы», проникшие в партийные и советские органы вследствие «механического проведения украинизации». Корректировка национальной политики велась под лозунгом борьбы с «принудительной украинизацией», чем не преминули воспользоваться

⁹⁰ *Сфіменко Г.* Національно-культурна політика ВКП(б) щодо радянської України (1932–1938). Київ, 2001. С. 62–63.

противники «украинского национализма». Прозвучала и критика в адрес курсов украиноведения.

25 сентября 1933 г. бюро Днепропетровского горкома на фоне происходивших перемен констатировало, что курсы украиноведения являются «очагом националистической контрреволюционной пропаганды», призвало искоренить ошибки и перегибы и «на деле организовать большевистское проведение украинизации»⁹¹. В подготовленной докладной записке о состоянии областных курсов подчеркивались недостатки в их организации. Как говорилось в документе, на заводах членами экзаменационных комиссий были преподаватели курсов, которые были материально заинтересованы «пропускать как можно больше людей и создавать как можно большее количество групп». Объяснялось это тем, что курсы получали определенный процент зарплаты проверенного, а от общей суммы свой процент получали и преподаватели. Одновременно слушатели курсов «должны были платить за обучение от 3 до 5 руб.». Руководство курсов требовало от заводоуправлений не только проводить проверки, но и составлять списки работников с указанием их зарплат. Преподаватели придирались во время проверок, заставляли работников заканчивать курсы не по одному разу, мотивируя тем, что «они уже все забыли»⁹².

Анализируя особенности украинизации Донбасса, И. А. Дмитрик упоминает о сохранившемся в архиве письме учительницы из г. Славянска редактору газеты «Кочегарка». «В частности, “настоящие украинцы” (имеются в виду преподаватели украинского языка, прибывшие в Донбасс из Киевщины и Полтавщины) обвинялись в получении нетрудовых доходов за счет процедуры экзаменов (на основе количества ошибок, допущенных во время перевода текста, человеку присваивали категорию, с которой он имел или лишился права занимать определенную должность). Возник коррупционный механизм: служащий брал 6–7 уроков у преподавателя, который входил в состав экзаменационной комиссии, по 3–4 руб. за занятие, а потом с его помощью сдавал экзамен и получал первую категорию без глубокого знания предмета»⁹³, — пишет украинский историк.

⁹¹ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 6214. Л. 67.

⁹² Там же. Л. 72.

⁹³ Дмитрик И. А. Украинизация Донбасса в 1923–1938 гг.: общественное мнение // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы: Материалы VI

Подобная печальная практика вполне объясняется сложившейся ситуацией. Как замечает И. А. Дмитрик, «функционирование курсов изучения украинского языка для служащих на местах было важным официальным показателем проведения политики украинизации в 1920–1930-х гг.», а «знание языка было решающим фактором, его пренебрежение грозило потерей рабочего места»⁹⁴. Курсы должны были обеспечить перевод делопроизводства на украинский язык — весьма актуальную задачу в условиях советской украинизации. Безусловно, каждый гражданин имел право свободно пользоваться своим родным языком, а важнейшие документы публиковались на украинском и русском языках, однако официальным языком был выбран именно украинский как язык большинства населения УССР. В государственных учреждениях на территории Украины, причем как республиканского, так и общесоюзного значения, внутреннее делопроизводство должно было вестись на украинском языке. Исключение составляли только те организации, которые обслуживали потребности национальных меньшинств⁹⁵.

Развернутая в УССР кампания по ликвидации украинской неграмотности среди русскоязычных служащих носила беспрецедентный характер. Республиканские власти за достаточно короткий срок рассчитывали «коренизировать» управленческую элиту, заставить ее перейти на язык титульной нации. Ломали упорное сопротивление чиновников в первую очередь за счет административного нажима, и в постановлениях и распоряжениях харьковского руководства постоянно фигурировал пункт об увольнении тех, кто не желал украинизироваться.

Безусловно, массовых увольнений допустить было нельзя, и республиканские власти одновременно пытались воздействовать на настроения чиновников методами убеждения. Организованные для русскоязычных работников курсы должны были не только дать знание

международной научной конференции. Киев, 10–12 октября 2013 г. М., 2014. С. 109. Письмо сохранилось в Центральном государственном архиве общественных объединений Украины.

⁹⁴ Дмитрик І. О. Історико-правові аспекти функціонування курсів української мови для службовців у 1920-х рр. (на матеріалах Донеччини). С. 13.

⁹⁵ См.: Про забезпечення рівноправ'я мов і про сприяння розвитку української культури // Збірник узаконень та розпоряджень робітничо-селянського уряду України за 1927 рік. Харків, 1927. № 34. Арт. 157.

украинского языка, но и внушить нужное представление об «украинском вопросе», акцентируя внимание на русификаторской политике царских властей и «культурном возрождении» Украины при советской власти. Курсы были достаточно краткосрочными — три или пять месяцев, за которые нужно было научить слушателей составлять различные бумаги, читать и говорить на украинском языке. Разработчики программ призывали преподавателей сделать акцент на отличиях русского и украинского языков, умении курсантов использовать украинские фразеологические обороты и знания необходимых для работы терминов. В определенной степени подобная установка боролась с таким явлением, как суржик. Как замечает Л. Т. Масенко, украинизация 1920-х гг. «подняла престиж украинского языка и затормозила процессы этнической и социальной маргинализации провинциалов, которые перед тем составляли основную социальную базу распространения смешанной речи»⁹⁶.

Несмотря на краткосрочность обучения, на экзаменах слушатели должны были показать не только пассивное, но и активное владение языком, что далеко не всегда и у всех получалось. Навыки чтения и перевода считались достаточными только для технических сотрудников, тогда как все остальные служащие должны были продемонстрировать также хорошее владение разговорным языком. Проведение «аппаратной» украинизации носило форсированный характер, декларированные широкие планы не всегда удавалось претворить в жизнь, чиновники не успевали в достаточной степени овладеть украинским языком и при малейшем изменении политического климата пытались перейти на привычный русский язык. Недостаток профессиональных преподавателей украинского языка и трудности финансирования также отрицательно сказывались на объеме и качестве получаемых слушателями курсов знаний.

Тем не менее курсы были одной из важных составляющих политики украинизации. Как отмечал Ю. Шевелёв, в этот период выросло число людей, заинтересовавшихся украинской культурой, и «хотя пассивное знание украинского языка не стало всеобщим, но его приобрели значительно более широкие круги, нежели ранее»⁹⁷. Пере-

⁹⁶ Масенко Л. Т. Суржик: між мовою і языком. С. 21.

⁹⁷ Шевельов Ю. Українська мова в першій половині двадцятого століття (1900–1941). Стан і статус. Б. м., 1987. С. 156.

вод делопроизводства на украинский язык повышал статус украинского языка, обеспечивая его доминирование в официально-деловой сфере. Развертывая сеть курсов украиноведения для служащих различных рангов, республиканское руководство пыталось таким образом изменить облик крупных промышленных центров, традиционно ориентировавшихся на русский язык и культуру. Добиться полной украинизации городской языковой среды в 1920-е гг. не удалось, а отказ от жестких мер в отношении «великодержавных шовинистов» в 1930-е гг. способствовал сохранению престижности русского языка во всех сферах коммуникации.

Источники

Бюлетень Народнього комісаріату освіти. Харків, 1925.

Єфремов С. О. Щоденники. 1923–1929. Київ: Рада 1997. 843 с.

Збірник узаконень та розпоряджень робітничо-селянського уряду України. Харків, 1923–1927.

Каганович Л. М. Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного, партийного и советско-государственного работника. М.: Вагриус, 1996. 576 с.

Культурне будівництво в Українській РСР. Важливі рішення Комуністичної партії і Радянського Уряду 1917–1959 рр.: збірник документів у 2 т. Т. 1: 1917 — червень 1941) / упоряд. З. І. Зобіна та ін. Київ: Держполітвидав УРСР, 1959. 881 с.

Майстренко І. В. Історія мого покоління: Спогади учасника революційних подій в Україні. Едмонтон: Видавництво Канадського інституту українських студій, 1985. 416 с.

Національні відносини в Україні у ХХ ст. Збірник документів і матеріалів / упор. М. І. Панчук (керівник) та ін. Київ: Наукова думка, 1994. 560 с.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 81 (Каганович Лазарь Моисеевич. 1898–1991 гг.).

Сталин И. В. Сочинения: в 13 т. М., 1947–1951. Т. 5. М.: Государственное издательство политической литературы, 1947. 446 с.

Українізація радянських установ (декрети, інструкції і матеріали). Харків: [б. в.], 1925. 26 с.

Центральный государственный архив общественных объединений Украины (Центральний державний архів громадських об'єднань України, ЦДАГОУ). Ф. 1: Центральный комитет компартии Украины. 1917–1991 гг.

ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос»: сборник документов в 2 т. / сост. Л. С. Гагагова, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. Т. 1: 1918–1933. М.: РОССПЭН, 2005. 784 с.

Чуев Ф. И. Так говорил Каганович: Исповедь сталинского апостола. М.: Отечество, 1992. 205 с.

Литература

Борисёнок Е. Ю. Украинизация служащих в СССР в 1920–1930-е годы // Славяноведение. 2015. № 3. С. 17–28.

Горбань Т. Українознавство у позашкільній освіті в УСРР (20-ті роки ХХ століття) // Історико-педагогічний альманах. 2018. № 1. С. 23–28.

Григорьев Е. М. История коренизации // Историк. 2015. № 7–8. С. 78–83. URL: <https://историк.рф/journal/история-коренизации/> (дата обращения: 29.04.2022).

Дмитрик И. А. Украинизация Донбасса в 1923–1938 гг.: общественное мнение // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы: Материалы VI международной научной конференции. Киев, 10–12 октября 2013 г. М.: РОССПЭН, 2014. С. 105–114.

Дмитрик І. О. Історико-правові аспекти функціонування курсів української мови для службовців у 1920-х рр. (на матеріалах Донеччини) // Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету. Сер.: Юриспруденція. 2019. № 42, т. 1. С. 12–14.

Єтик Л. І. Документи Державного архіву Сумської області про українізацію партійного і державного апарату на початку 20-х років ХХ ст. // Сумський історико-архівний журнал. 2013. № 20. С. 10–17.

Єфіменко Г. Національно-культурна політика ВКП(б) щодо радянської України (1932–1938). Київ: Інститут історії України, 2001. 304 с.

Кравченко Б. Соціальні зміни і національна свідомість в Україні ХХ ст. / пер. з англ. В. Івашка, В. Корнієнка. Київ: Основи, 1997. 423 с. (Пер. с англ.: Krawchenko B. Social Change and National Consciousness in Twentieth-Century Ukraine. London: Macmillan, 1985. 333 p.)

Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939 / пер. с англ. О. Р. Щёлоковой. М.: РОССПЭН, 2011. 855 с. (Пер. с англ.: Martin T. The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union. 1923–1939. Ithaca and London: Cornell University Press, 2001. 496 p.)

Масенко Л. Т. Суржик: між мовою і язиком. Київ: Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2011. 135 с.

Мозуленко Д. І. Напрямки політики коренізації: перевірка знання української мови та мов національних меншин держслужбовцями Півдня УСРР // Музейний вісник. Запоріжжя, 2015. № 15/2. С. 182–189.

Овчаренко Д. В. Українізація службовців державних та партійних установ Миколаївського округу у 1920-і роки // Гілея (науковий вісник). 2009. № 23. С. 66–74.

Остатчук О.А. Учить по-новому: украинский язык в учебниках эпохи украинизации // «Родное слово». Белорусский и украинский языки в школе (очерки истории массового образования, середина XIX — середина XX века) / редколл.: Е.Ю. Борисёнок, М.Э. Клопова, Д.А. Короткова, М.В. Лескинен. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2021. С. 304–328.

Субтельний О. Україна: історія / пер. з англ. Ю.І. Шевчука. Київ: Либідь, 1991. 512 с.

«Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки / відп. ред. В.А. Смолій. Київ: Інститут історії України НАН України, 2003. 392 с.

Шаповал Ю.І. Олександр Шумський. Життя, доля, невідомі документи: дослідження, архівні матеріали. Київ; Львів: Україна модерна, 2017. 742 с.

Шевельов Ю. Українська мова в першій половині двадцятого століття (1900–1941). Стан і статус. Б.м.: Сучасність, 1987. 295 с.

Шпакович К.В. Мовна політика та українізація національно-державного апарату на сторінках харківських періодичних видань 1920-х років // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. 2014. Вип. 40. С. 112–116.

References

Borisenok E. Yu. Ukrainizatsiia sluzhashchikh v USSR v 1920–1930-je gody. *Slavianovedeniye*, 2015, no. 3, pp. 17–28. (In Russ.)

Dmitrik I. A. Ukrainizatsiia Donbassa v 1923–1938 gg.: obshchestvennoje mneniye. *Sovetskije natsii i natsional'naia politika v 1920–1950-je gody: Materialy VI mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Kyiv, October 10–12, 2013. Moscow, ROSSPEN, 2014, pp. 105–114. (In Russ.)

Dmytryk I. O. Istoryko-pravovi aspekty funktsionuvannia kursiv ukrains'koï movy dlia sluzhbovtiv u 1920-kh rr. (na materialakh Donechchyny). *Naukovyi visnyk Mizhnarodnoho humanitarnoho universytetu. Ser.: Iurysprudentsiia*, 2019, no. 42, t. 1, pp. 12–14. (In Ukr.)

Grigor'jev Je. M. Istoriia korenizatsii. *Istoriik*, 2015. no. 7–8, pp. 78–83. URL: <https://историк.рф/journal/история-коренизации/> (accessed: 29.04.2022). (In Russ.)

Horban' T. Ukraïnoznnavstvo u pozashkil'niï osviti v USRR (20-ti roky XX stolittia). *Istoryko-pedahohichnyi al'manakh*, 2018, no. 1, pp. 23–28. (In Ukr.)

Iefimenko H. *Natsional'no-kul'turna polityka VKP(b) shchodo radians'koï Ukraïny (1932–1938)*. Kyiv, Instytut istorii Ukraïny, 2001, 304 p. (In Ukr.)

Iepyk L. I. Dokumenty Derzhavnogo arkhivu Sums'koï oblasti pro Ukraïnizatsiiu partiïnoho i derzhavnogo aparatu na pochatku 20-kh rokiv XX st. *Sums'kyi istoryko-arkhivnyi zhurnal*, 2013, no. 20, pp. 10–17. (In Ukr.)

Kravchenko B. *Sotsial'ni zminy i natsional'na svidomist' v Ukraini XX st.*, Translated by V. Ivashko, V. Korniienko. Kyiv, Osnovy, 1997, 423 p. (In Ukr.) Transl. of: Krawchenko, B. *Social Change and National Consciousness in Twentieth-Century Ukraine*. London, Macmillan, 1985, 333 p. (In Engl.)

Martin T. *Imperiia «polozhitel'noi deiatel'nosti»*. *Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923–1939* / Translated by O. R. Shchëloкова. Moscow, ROSSPEN, 2011. 855 p. (In Russ.). Transl. of: Martin T. *The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union. 1923–1939*. Ithaca and London, Cornell University Press, 2001, 496 p.

Masenko L. T. *Surzhuk: mizh movoiu i iazykom*. Kyiv, Vydavnychyï dim «Kyievo-Mohylians'ka akademiia», 2011, 135 p. (In Ukr.)

Mozulenko D. I. Napriamky polityky korenizatsii: perevirka znannia ukraïns'koi movy ta mov natsional'nykh menshyn derzhsluzhbovtsiamy Pivdnia USRR. *Muzeïnyi visnyk*. Zaporizhzhia, 2015, no. 15/2, pp. 182–189. (In Ukr.)

Ostapchuk O. A. Uchit' po-novomu: ukraïnskii iazyk v uchebnikakh epokhi ukraïnizatsii. «*Rodnoje slovo*». *Belorusskii i ukraïnskii iazyki v shkole (ocherki istorii massovogo obrazovaniia, seredina XIX — seredine XX veka)*, eds. E. Yu. Borisenok, M. E. Klopova, D. A. Korotkova, M. V. Leskinen. Moscow, Institut slavianovedeniia RAN; St. Petersburg, Nestor-Istoriia, 2021, pp. 304–328. (In Russ.)

Ovcharenko D. V. Ukraïnizatsiia sluzhbovtiv derzhavnykh ta partiïnykh ustanov Mykolaïvs'koho okruhu u 1920-i roky. *Hileia (naukovyï visnyk)*, 2009, no. 23, pp. 66–74. (In Ukr.)

Shapoval Iu. I. *Oleksandr Shums'kyï. Zhyttia, dolia, nevidomi dokumenty: doslidzhennia, arkhivni materialy*. Kyiv; Lviv, Ukraïna moderna, 2017, 742 p. (In Ukr.)

Shevel'ov Iu. *Ukraïns'ka mova v pershii polovyni dvadtsiatoho stolittia (1900–1941)*. *Stan i status*. N.p.: Suchasnist', 1987, 295 p. (In Ukr.)

Shpakovych K. V. Movna polityka ta ukraïnizatsiia natsional'no-derzhavnoho aparatu na storinkakh kharkivs'kykh periodychnykh vydan' 1920-kh rokiv. *Naukovi pratsi istorichnoho fakul'tetu Zaporiz'koho natsional'noho universytetu*, 2014, no. 40, pp. 112–116. (In Ukr.)

Subtel'nyi O. *Ukraïna: istoriia*, translated by Iu. I. Shevchuk. Kyiv: Lybid', 1991, 512 p. (In Ukr.) Transl. of: Subtelny O. *Ukraine: A History*. University of Toronto Press, 1988, 666 p.

“Ukraïnizatsiia” 1920–30-kh rokiv: *peredumovy, zdobutky, uroky*, ed. V. A. Smoliï. Kyiv, Instytut istorii Ukraïny NAN Ukraïny, 2003, 392 p. (In Ukr.)

Elena Yu. Borisenok

Dr. Sci. (History)
Head of the Department of Eastern Slavic Studies
Institute of Slavic Studies
Russian Academy of Sciences
Russia, 119334, Moscow, Leninsky Prospect, build. 32-A
E-mail: vostslav@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8642-0185

“Attending Courses is Mandatory for Everyone...”: the Experience of Hardware Ukrainization of the 1920s

DOI: 10.31168/2782-473X.2023.2.08

Abstract: This article discusses the functionalities of courses on the study of the Ukrainian language in the Ukrainian SSR during the Ukrainization of the 1920s. There are many studies on the history of Soviet national policy in Ukraine. However, the daily practice of Ukrainization has not been studied enough. The purpose of the article is to analyse the peculiarities of the policy of Ukrainization in relation to Russian-speaking employees of state institutions and enterprises of the Republic, to analyse organisational forms and methods of teaching the Ukrainian language, and the format of knowledge in the field of Ukrainian Studies. Primary attention is paid to the characteristics of resolutions, instructions and methodological guidelines that regulated the form and activities of courses on the study of the Ukrainian language and Ukrainian Studies, as well as teaching methods and the procedures for conducting exams. The study shows that the courses were supposed to ensure the knowledge of the Ukrainian language by employees of various organisations. This was necessary for the translation of office work into Ukrainian. Ukrainian was the language “for official relations” in the Republic, since it was the language spoken by the majority of the population of the Ukrainian SSR. At the same time, the courses gave students an idea of the “Ukrainian question”, Ukrainian literature and history. The Republican authorities expected to force officials to switch to the language of the titular nation within a short time. They used harsh administrative pressure: in the resolutions and orders of the Kharkiv leadership, there was a clause on the dismissal of those who did not want to be Ukrainised.

Keywords: Ukrainization, Ukrainian language course, testing of knowledge of the Ukrainian language, Ukrainian SSR